

Чайная «Юфан» славилась своей вывеской, начертанной рукой самого путешествующего принца — Вана Сяня, что лишь добавляло ей престижа в глазах общественности. Некоторые богачи, желая продемонстрировать свою приверженность принципу уважения к талантам, время от времени заглядывали сюда, чтобы провести пару часов. Разумеется, среди литераторов встречались не только знатоки живописи и каллиграфии. Такие люди, как Гу Хаоянь, специализирующиеся на путевых заметках и поэзии, были редкостью. Большинство же посетителей составляли ученые мужи, мечтавшие принести пользу государству.

Высокопоставленные чиновники приходили сюда в поисках одаренных людей, а те, в свою очередь, надеялись через влиятельных покровителей проложить себе путь к императорскому двору. Так в чайной становилось все многолюднее. Слуги и управляющий были местными жителями из этого городка, сохранившими присущую им простоту и искренность. Блюда здесь подавали самые что ни на есть аутентичные, к тому же Гу Хаоянь специально нанял поваров, знающих толк в оформлении подачи. В других ресторанах такие мастера могли бы возглавить кухню, здесь же их единственной задачей было сделать еду максимально эстетичной.

Чайная проработала чуть больше полугода, но ее масштабы росли не по дням, а по часам, и до сих пор она была забита битком. Подобных заведений во всем Цзяннани можно было пересчитать по пальцам. Десять — звучит внушительно, но для огромного региона, где только городов и поселков насчитывается около полусотни, этого было катастрофически мало.

Именно эта редкость лишь подогревала интерес. Путники, проезжавшие через Цзяннань, предпочитали спешить из одной чайной «Юфан» в другую, лишь бы заночевать в них, не желая останавливаться где-то еще. Это красноречиво свидетельствует о том, какое положение сейчас занимало заведение в сердцах литераторов. В глазах простых людей чайная стала местом сбора вельмож и интеллектуалов, поэтому, даже несмотря на вполне доступные цены, обыватели заходили сюда нечасто. А если и решались, то немедленно умирляли свой привычный нрав, переставая шумно пировать, словно перенимая манеры окружающих.

У чайной имелся изысканный задний двор, где стоял трехэтажный домик, похожий на главный зал. Сидя на третьем этаже, можно было смутно разглядеть то, что происходило внизу.

— Хаоянь, если уж берется за дело, то обязательно производит фурор! — Янь Сяньфэй не скрывал своего восхищения. Он наводил справки о Гу Хаояне, но человек, сидящий перед ним сейчас, разительно отличался от того, что было описано в документах. В бумагах тот представлял скромным, учтивым книжником, зубрящим классику. Здесь же перед ним был искусный стратег, умеющий играть на человеческих чувствах и просчитывающий каждый шаг наперед.

Больше полугода они путешествовали вместе, и Янь Сяньфэй своими глазами видел, как эта чайная строилась шаг за шагом. Поначалу, как он и предполагал, посетителей было мало. Каждое заведение открывалось в уединенных местах, где почти никто не ходил. С точки зрения Янь Сяньфэя, окружение было идеальным, но популярность оставляла желать лучшего. Он уже было хотел посоветовать другу сдать, но в ответ получил лишь многозначительную улыбку.

Он наблюдал, как Гу Хаоянь, покидая очередное место, всегда заводил беседу с местными детьми. Сначала Янь Сянфэй не понимал, что тот затеял, но теперь все стало ясно. Он использовал малышей для бесплатной рекламы: стоило им запеть на улице детские песенки, в которых упоминались «Записки о древних краях», как любопытство брало верх. Литераторы, услышав название, непременно хотели ознакомиться с книгой. Стоило одному прийти в чайную, как за ним тянулись второй, третий. Дальше вмешательство было не нужно — эти люди сами разносили славу по своим кругам.

Другие торговцы шли проторенным путем, гонясь за сиюминутной выгодой. Гу Хаоянь же выбрал изящную стезю. Он не только заработал деньги, но и снискал добрую славу. Среди литераторов хозяин «Юфан» был весьма почитаем. Многие даже надеялись, что он откроет подобную чайную поблизости от их домов, чтобы иметь место для встреч.

Конечно, среди этих ученых были и любители путевых заметок. Зная, что чайные открываются именно в тех местах, которые упоминаются в известных трудах, они лишь больше укреплялись в своем уважении к заведению.

— Разумеется! — Цзи Фань не стал скромничать. На его губах играла мягкая улыбка, а взгляд сиял, словно утреннее солнце. За долгое время Янь Сянфэй уже успел раскусить его характер: нарочитая скромность выглядела бы фальшиво.

Янь Сянфэй тихо рассмеялся, поднял чашку и сделал глоток свежего чая.

— Ты прав, истинное наслаждение можно найти среди простых людей. Не в императорском дворце и не в дорогих ресторанах. Хотя теперь стоит добавить... и в твоей чайной. Полагаю, тебе стоит выбраться за пределы Цзяннани! Тогда, когда я отправлюсь в странствие, у меня будет где остановиться.

— Ты правда думаешь, что я открыл чайную, чтобы облегчить жизнь другим? — уголки губ Цзи Фаня приподнялись, и его мягкое лицо вдруг приобрело некое демоническое очарование.

Янь Сянфэй слегка опустил веки, пряча вспыхнувшее в глазах восхищение. Под маской мягкости этого парня скрывалась абсолютная опасность. Он все держал под контролем, мастерски притворяясь слабым. Такой стиль действий вызывал у него глубокое уважение — до такой степени, что иногда он терял бдительность, видя истинное лицо собеседника. Горечь чая помогла ему прийти в себя.

— По крайней мере, это удобно для меня! — спокойно ответил он.

Цзи Фань встретился взглядом с Янь Сянфэем. К этому человеку было трудно питаться неприязнью. Цзи Фань привык относиться к окружающим с долей настороженности, но к Янь Сянфэю он проникся доверием. Конечно, дело было и в его поступках: и вывеска, написанная по собственной инициативе, и негласная поддержка местных чиновников. Даже если бы он ничего не делал, чайная «Юфан» не смогла бы существовать без присутствия Янь Сянфэя.

— Оказывать любезность господину Яню — честь для Хаояня!

Янь Сяньфэй улыбнулся и вернулся к прежнему вопросу:

— Когда ты собираешься покинуть Цзяннань и отправиться дальше?

Он уже давно покинул столицу и пора было возвращаться. Но ему не хотелось так быстро расставаться с Гу Хаоянем. Если он уедет, то лишится стольких изысканных лакомств и приятного общения. К тому же, просто находиться рядом с человеком, который не придает значения статусу, было само по себе увлекательно. Возможно, это было опасно... по крайней мере, он ходил по самому краю. Но останавливаться он пока не хотел.

— Перед отъездом из дома я обещал Гу Цзинвэню, что буду путешествовать по Цзяннани. Раз уж я собираюсь уехать, нужно отправить письмо. — Цзи Фань даже перед чужими людьми не называл того отцом, что свидетельствовало о неразрешимом конфликте. В клане Гу наверняка уже прослышали о делах чайной. Он никогда не скрывал своего имени, так что навести справки было проще простого. Гу Цзинвэнь и Гу Хаоцин наверняка уже спят и видят, как бы вернуться.

Чайная стала своего рода чудом. На поверхности он почти не занимался управлением, доверяя это местным жителям. Они были просты и честны, а под покровительством Янь Сяньфэя вели дела безупречно. На самом же деле, все нити управления были в руках Цзи Фаня — каждое важное решение он принимал лично. Но об этом никто не знал. В глазах Гу Цзинвэня и Гу Хаоцина чайная была легкой добычей, которую они без труда приберут к рукам.

— Когда напишешь письмо, скажи мне, я прикажу своим людям отправить его, — Янь Сяньфэй поставил чашку. Тон его был ровным, но в нем чувствовалось нетерпение.

— Господин Янь, почему мне кажется, что вы торопитесь больше меня? — Цзи Фань приподнял бровь.

— Мне пора покинуть Цзяннань. Хочу поехать вместе с тобой, — Янь Сяньфэй не стал ничего скрывать. Гу Хаоянь все равно рано или поздно узнал бы.

— Вот как? И куда мы направимся?

— В столицу.

Столица — сердце государства, место куда более оживленное и шумное, чем прославленный своей роскошью Цзяннань. Здесь говорят: на каждом шагу встретишь принца или вельможу. Без серьезной опоры в столице делать нечего.

Гу Хаоцина это не беспокоило. Столица — место сближения знати, но кто осмелится обидеть человека, за спиной которого стоит член королевской семьи? С этой мыслью улыбка на его губах стала еще нежнее. Он налил вина и поставил бокал перед девушкой.

— Сяо Тан, почему ты так нервничаешь? Это совсем не подобает принцессе! Если другие увидят тебя такой, то сильно удивятся.

— Хаоцин, ты должен проявить себя с лучшей стороны! — Янь Тан была непривычно серьезной. — Мой императорский брат не любит купцов. По его мнению, алчные торговцы подрывают основы государства!

— Не знал, что у Его Величества предвзятое отношение к купцам. Его политика, наоборот, способствует развитию торговли. Он даже поощряет расширение бизнеса за пределы страны, как же он может не любить торговцев? — Гу Хаоцин перестал помахивать веером и нахмурился. Будучи «попаданцем», он знал то, чего не знали другие. В его прежнем мире правители тоже когда-то считали торговцев низшим сословием. Если император и правда так настроен, это может помешать его планам.

— Брат просто не любит их как людей, но это не значит, что он ограничивает развитие торговли. Чем процветающая торговля, тем лучше для страны — это он прекрасно понимает! Дядя говорил брату: император может иметь свои пристрастия, но они не должны влиять на государственные решения. Особенно когда речь идет о народе и развитии страны. Тебе не стоит беспокоиться о делах клана Гу, — Янь Тан была немного недовольна. Гу Хаоцин хорош во всем, но он ставит свои дела выше всего остального. Такой мужчина надежен, но она для него не на первом месте.

Впрочем, вспомнив, как он становится послушным, стоит отойти от дел, она успокоилась. Мужчина, преданный карьере — это хорошо. Ее статус поможет ему стать не просто мужем, а опорой, с которой не сравнится ни одна другая женщина.

— Значит, император может... помешать нашим отношениям? — Гу Хаоцин быстро сообразил, в чем причина беспокойства Янь Тан. Если делам ничто не угрожает, значит, речь о их чувствах.

— Не может, а обязательно помешает! Брат хочет найти мне мужа среди талантливых ученых при дворе. Но те люди лишь умеют красиво писать, где там таланты? Если показать им твои стихи, они от стыда сгорят. Но твой талант известен только тебе и мне, а брат о нем не знает. И я не могу заставить его бросить государственные дела, чтобы встретиться с тобой, я и сама-то выхожу из дворца тайком.

— Значит, у того, что ты ждешь здесь с самого утра, есть особая причина? — Гу Хаоцин быстро выстроил логическую цепочку. Ему стало любопытно, кто этот человек, способный влиять на суждения императора.

— Да, дядя сегодня прибывает в столицу. Мы ждем здесь, чтобы встретить его. Я представлю тебя ему. Брат так любит литераторов во многом из-за влияния дяди. Если дядя признает тебя,

с одобрением брата проблем не будет. Кроме того... дядя очень любит вкусно поесть, поэтому я и попросила тебя забронировать ресторан и заказать у повара фирменные блюда!

Гу Хаоцин не сомневался в своем литературном даре, подкрепленном пятидесятилетней культурой, и в уникальности своих кулинарных идей.

— Любит литераторов? И вкусно поесть? Сяо Тан, не волнуйся, все будет в порядке. Ради нашего будущего я выложусь на полную!

— Я верю в тебя! — Янь Тан посмотрела на него нежным взглядом, и между ними разлилось тепло.

Служанка принцессы, Цинъинь, настойчиво постучала в дверь — явно случилось что-то важное. Влюбленные поспешно отстранились друг от друга. Янь Тан поправила прическу и скомандовала:

— Входи!

— Принцесса, карета вана уже у городских ворот! — прошептала Цинъинь, проскользнув в щель двери. Она была в чадре, скрывающей лицо, и всегда заботилась о репутации своей госпожи.

— Тогда идем, пригласим дядю присесть. Если он доберется до дворца, шансов встретиться с ним почти не будет. Брат наверняка загрузит его государственными делами.

Гу Хаоцин последовал за принцессой, на ходу отдав распоряжение слуге, и вышел из ресторана.

Принцесса не могла сама перехватить карету, это было бы неприлично. Эту роль взял на себя Гу Хаоцин. Он немного владел боевыми искусствами, которым его научила одна из его возлюбленных. Этого было достаточно, чтобы остановить карету. Он внезапно возник перед лошадьми, и чтобы они не испугались, к нему вышел стражник.

— Младший Гу Хаоцин по просьбе принцессы Аньян прошу вас остановиться и приглашаю Вана зайти в ресторан для беседы.

Услышав имя принцессы, стражник бросил взгляд в сторону и увидел знакомый силуэт. Он кивнул и направился к карете.

— Ван, мы прибыли в столицу. Принцесса Аньян просит вас остановиться для беседы.

Стражник сделал акцент на имени Гу Хаоцина. Они знали, что Ван питает особую симпатию к

Гу Хаояню, и были наслышаны о его семье.

— О? Гу Хаоцин? Почему он не сидит в Цзяннани, а приперся в столицу? — Янь Сяньфэй приподнял бровь. Он не ожидал, что Гу Хаоцин свяжется с принцессой Аньян, самой любимой сестрой императора.

— У него слишком большие амбиции, чтобы просто сидеть в Цзяннани. Торговцы всегда ищут развития, разве я не путешествую по той же причине? — Цзи Фань не был удивлен. Без помощи Янь Сяньфэя путь Гу Хаоцина будет тернист, но с помощью своих женщин он сможет выкрутиться. Однако блистать в столице, как раньше, у него вряд ли выйдет.

— Ты другой! — Янь Сяньфэй нахмурился. Ему не нравилось, что Гу Хаоянь ставит себя на один уровень с Гу Хаоцином. В его глазах они — как небо и земля. Гу Хаоянь под его защитой будет в безопасности везде. А на что рассчитывает Гу Хаоцин? На принцессу? Принцессы выходят замуж, и даже если это выглядит как выбор мужа императорской семьей, женщина все равно обязана соблюдать три подчинения.

— Конечно, он мне не ровня. Ведь у меня есть покровительство самого Вана! — Цзи Фань усмехнулся. Раз Янь Сяньфэй позволил ему приехать в столицу, скрываться больше нет смысла. Он подался вперед, их лица оказались так близко, что можно было пересчитать ресницы друг друга. Цзи Фань положил руку на место, где билось сердце Янь Сяньфэя. — Ван, прошу прощения за дерзость!

Будучи выходцем из знатной семьи, он был наслышан о многом. Мужчина и женщина, мужчина и мужчина — в этом не было ничего необычного. У него не было жестких требований к полу партнера, а Янь Сяньфэй ему нравился. Если тот проявит интерес, он не против попробовать. А после завершения задания... он просто уйдет.

Но, судя по всему, он ошибся — сердце Янь Сяньфэя билось ровно. Тот действительно считал его лишь близким другом. Что ж, Цзи Фань не станет нарушать это благородство.

— М? — голос Янь Сяньфэя стал хриплым и властным. Казалось, он действительно был задет дерзостью Гу Хаояня.

— Неужели вы хотите, чтобы я ответил за это? Жаль, что в вашем поместье уже есть хозяйка, иначе я бы предложил себя в мужья, — беззаботно бросил Цзи Фань.

Предложить себя? Янь Сяньфэй прищурился, скрывая опасность. Этот парень смел. Если бы не неподходящий момент, он бы не отказался... В горле у него пересохло. Он понял: одной ногой он уже увяз в «трясине». Он отвел взгляд и первым вышел из кареты.

Что касается «хозяйки в поместье», то объяснять ничего не нужно. Скоро этот малец поймет, что никакой женщины там нет. Император с детства был привязчивым, и с подростковых лет Янь Сяньфэй разрывался между государственными делами и опекой над императором —

времени на личную жизнь просто не оставалось.

<http://bllate.org/book/21685/2236747>